В114 341

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В114 341

НИКОЛАЙ ВАРЛАМОВ

ОИК

Фрон. б-ка

В14
341

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРЖАНТУ ВАРЛАМОВУ Н. Г., ЛИСИЦЫНОЙ А. М. и МЕЛЕНТЬЕВОЙ М. В.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали „ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА“:

1. **Сержанту ВАРЛАМОВУ Николаю Гавриловичу**
2. **ЛИСИЦЫНОЙ Анне Михайловне**
3. **МЕЛЕНТЬЕВОЙ Марии Владимировне**

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

Москва, Кремль,
25 сентября 1943 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
788885

Капитан А. БАЕВ

ПОДВИГ СЕРЖАНТА ВАРЛАМОВА

Атака была назначена на ночь. Как ни коротка июльская ночь на севере, как ни прозрачны ее легкие сумерки, она давала возможность скрытно обойти белофинский опорный пункт и неожиданно обрушиться на него с тыла.

Целый день накануне бойцы пробирались сквозь густую чащу угрюмого карельского леса. Потные и раскрасневшиеся от июльского зноя, они карабкались через сопки, осторожно переходили через чавкающие под ногами болота. Путь был долог и утомителен. Но теперь, в этот решитель-

ный час, никто из бойцов не чувствовал и тени усталости; сжимая в руках винтовки и автоматы, они уверенно шли вперед, к вражескому опорному пункту.

Логово белофиннов располагалось на небольшой высотке, с трех сторон окруженной ржавой подковой болота. В прошлом году на этой высотке прошелся лесной пожар, и еще теперь повсюду торчали обуглившиеся мертвые деревья, сквозь редкую щетину которых виднелись тонкие нити проволочных заграждений. За ними стояли дзоты. Злобно чернели узкие щели их амбразур почти у самой земли.

Особенно опасен был дзот справа. Из него можно было обстреливать и болото, и подступы к соседнему дзоту, и склон высоты впереди всего опорного пункта. Уничтожить этот дзот — значило овладеть ключом ко всему опорному пункту. Тогда легко можно было бы обойти два других дзота, атаковать их с флангов или с тыла.

Бойцы подошли к завалу. Метрах в 300 отсюда начиналось болото, которое предстояло перейти. Старший лейтенант Карасев еще раз окинул взглядом бойцов своего взвода. Они шли редкой цепочкой.

Впереди шел со своим отделением сер-

жант Варламов. Коренастый, крепко сбитый, он ступал уверенно и спокойно.

От его широкой и ладной фигуры веяло деловитым спокойствием, самообладанием, верой в себя, в своих бойцов, в свое оружие.

Бойцы выходили к болоту. Над ним чуть заметно колыхалась тонкая и легкая дымка тумана.

— Ну, — тихо сказал Варламов, — готовься...

Легко ступая по черной обожженной земле, бойцы перепрыгивали через обгорелые стволы деревьев, обходили полянки. И вдруг кто-то зацепился ногой за тонкую проволочку, прилаженную к дереву. Тотчас в бледное небо взлетела ракета. Это была одна из многих сигнальных ракет, установленных финнами на подступах к опорному пункту.

Сразу же до напряженного слуха бойцов донеслись крики: финны об'явили тревогу. Нельзя было терять ни секунды на размышления. Первоначальный план операции — заход с тыла — отпадал. Итти по открытому ровному болоту под огнем противника — означало понести тяжелые потери и не добиться успеха. Командир принял решение: немедленно, пока финны

не успели еще занять свои места по боевой тревоге, штурмовать опорный пункт стремительной лобовой атакой.

— На штурм!

Впереди всех находилось отделение сержанта Варламова. Колючая проволока, привязанная финнами к деревьям, не задержала бойцов. Кто-то разрубил ее ловкими и быстрыми ударами лопаты.

Финны открыли огонь из минометов. В амбразурах обоих дзотов почти одновременно блеснули вспышки выстрелов. Из дзота справа бил станковый пулемет. Из дзота слева — ручной. Послышалась трескотня автоматов.

Бойцы теперь ползком подбирались к проволочному заграждению. Некоторые сбросили с себя плащ-палатки, чтобы накинуть их на проволоку, другие торопливо шарили по земле в поисках сучьев в виде рогаток, чтобы, подняв ими нижнюю нить проволочного заграждения, ужом проползти под колючкой вперед. Варламов обернулся к ним и сказал:

— Делай, как я!

Он зорко огляделся по сторонам. Неподалеку лежал обгорелый ствол когда-то поваленного дерева. Низко пригибаясь, Варламов подбежал к нему, поднял и бро-

сил на проволоку. Затем деловито подвинул его вплотную к колу, на котором была прицеплена проволока, и попробовал рукой. Бревно лежало на проволоке довольно устойчиво, образуя своеобразный мостик.

Огонь противника усиливался. Сержант на минуту залег, чтобы перевести дух и рассчитать силы для дальнейшего броска. И когда фашисты перенесли свой огонь на соседний участок, Варламов быстро вскочил на ноги, ухватился за кол и по нитям закрепленной на нем проволоки, как по лесенке, поднялся на только что устроенный им мостик.

—За мной!—крикнул он бойцам. Коренастая фигура сержанта на несколько секунд повисла над заграждением.

Сразу же за проволокой виднелась извилистая, неглубокая траншея, не занятая врагом. Варламов легко спрыгнул в нее и оттуда поторопил:

—Смелее, ребята, смелее! Время не ждет!

Мины теперь ложились совсем рядом. Финны постепенно нащупывали расположение бойцов. Пронзительно свистели осколки. Бойцы скоплялись в траншее. Предстояло самое трудное и самое опасное—блокировать дзоты.

Дзот справа, откуда безумолку бил станковый пулемет, находился всего в 40 метрах от траншеи. Но чтобы добраться до него, надо было проскочить полосу совершенно ровного, без единого укрытия, пространства. Здесь не было „мертвой зоны". Каждый клочок местности, заранее очищенной от всего, что могло служить укрытием, находился на виду у врага и простреливался огнем станкового пулемета. Казалось, — приподнимись в траншее, сделай шаг вперед, и пулеметная очередь навсегда пригвоздит тебя к пахнущей гарью, покрытой пеплом земле...

Однако опорный пункт врага должен был быть уничтожен. Этого требовала боевая задача. Этого требовал приказ командира. Этого требовал воинский долг. Надо было итти вперед.

Варламов метнул в дзот гранату. Его примеру последовали и другие. Но под пулеметным огнем трудно метко бросить гранату в цель. Гранаты рвались неподалеку от толстых стен дзота, не причиняя ему никакого вреда.

В бою дорога каждая секунда — это хорошо понимал сержант Варламов. Он чуть приподнялся, осмотрел гранату, легко выпрыгнул из траншеи и устремился вперед.

Варламов выбрал удачный момент: фашисты вели огонь по подступам к соседнему дзоту, близ которого тоже находились наши бойцы. Быстро, напрягая все силы, сержант бежал к амбразуре. Но финны заметили его. Ствол пулемета повернулся в его сторону.

Коротко прогрохотала первая очередь. Мимо!

Вновь блеснули, теперь уже близкие, вспышки выстрелов. Вторая очередь. Острая боль обожгла грудь. Стало нестерпимо трудно дышать. Варламов упал наземь.

Но вот он пошевелился, услышав топот многих ног. Это бойцы бежали за своим командиром, увлеченные его смелым примером. Тут были все его боевые друзья, с которыми он делил и суровую боевую страду, и короткие часы отдыха. Весельчак Зорин, живой и нетерпеливый Горячев, спокойный и добродушный Сатвалдынов, остроглазый Беспалов — все они, как и всегда, шли за своим командиром.

Может быть, именно их вспомнил сержант, заметив, как дрогнул в амбразуре ствол вражеского пулемета и начал плавно поворачиваться то в одну, то в другую сторону, сея вокруг смерть. Может быть, он увидел родной завод, друзей, родных и

близких. Может быть, — жену и дочь, погибших под немецкими бомбами, увидел он... И в этот миг случилось то, что навсегда осталось в памяти его товарищей, что обессмертило имя отважного воина.

Варламов приподнялся. В отблесках вспышек выстрелов было видно, что силы оставляют героя. Собрав последние усилия воли, сержант ступил несколько шагов вперед, к амбразуре, как бы стараясь придавить ее изрыгающую огонь пасть. Вновь в его тело впились десятки пуль. Варламов тяжело упал перед самой амбразурой и уже последним движением придвинулся еще ближе к ней, чтобы прикрыть ее всю, без остатка.

Пулемет замолчал. В ту же секунду загремело „ура", и бойцы яростно рванулись к дзоту. Здесь были и Беспалов и Сатвалдынов, и многие другие, которых ценой собственной жизни спас Варламов. Потрясенные могучей силой духа своего погибшего товарища, его бессмертным мужеством, они ворвались в дзот, выволокли из него обезумевших от страха финнов, лавиной обрушились на фашистских автоматчиков, противотанковыми гранатами взрывая дзоты и землянки.

Шестьдесят фашистов уничтожили бойцы в короткой, стремительной и быстрой схватке. Это была месть за сержанта Варламова, месть за героя, месть за того, кто, презрев смерть, добыл победу.

Старший сержант А. ПАШКИН

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

В роте о нем знали немного. В журнале личного состава было записано коротко: Варламов Николай Гаврилович, сержант, год рождения—1907, последнее место работы и жительства—г. Петрозаводск, слюдяная фабрика.

Писарь, занося в книгу эти сведения о вновь прибывшем сержанте, взглянул на золотистую полоску над правым карманом его гимнастерки и спросил:

—Значит, в боях бывал?

—Да, приходилось. На военных дороженьках пятые ботинки донашиваю,—улыбнулся Варламов.

Сержант сразу понравился командиру роты капитану Баеву. Понравился своей выправкой, легкой и толковой речью. После первой же беседы Баев назначил его командиром отделения. С этим отделением Варламов и прошел тот короткий боевой путь, который завершился июльской ночью бессмертным подвигом...

* * *

Вражеский пулемет захлебнулся кровью героя и замолк. В неистовом ожесточении метнулись к дзоту бойцы Варламова.

Поправка:

На странице 14 и 40 напечатано; Старший сержант А. Пашкин, должно быть: Старший лейтенант А. Пашкин.

бои затихали.

Противник обрушил на сопку огонь трех батарей. Когда Зорин кинулся туда, где лежало тело богатыря он обнаружил только воронку от взорвавшегося снаряда. На месте амбразуры чернела огромная яма, земля была раскидана в сто-

Старший сержант А. ПАШКИН

Л
К
Ж
С
С

вновь прибывшем сержанте, взглянул на золотистую полоску над правым карманом его гимнастерки и спросил:

—Значит, в боях бывал?

—Да, приходилось. На военных дороженьках пятые ботинки донашиваю,—улыбнулся Варламов.

Сержант сразу понравился командиру роты капитану Баеву. Понравился своей выправкой, легкой и толковой речью. После первой же беседы Баев назначил его командиром отделения. С этим отделением Варламов и прошел тот короткий боевой путь, который завершился июльской ночью бессмертным подвигом...

* * *

Вражеский пулемет захлебнулся кровью героя и замолк. В неистовом ожесточении метнулись к дзоту бойцы Варламова.

—За сержанта!—крикнул Зорин, с силой бросив гранату во вторую амбразуру.

—За сержанта!—крикнул Горячев, и его граната пролетела через распахнутую дверь дзота. Покончив с этим дзотом, бойцы выскочили наружу и включились в разгоревшуюся на сопке рукопашную схватку. Ярость двигала нашими бойцами,—они беспощадно расстреливали и кололи белофиннов, очищая от них сопку.

Бой затихал.

Противник обрушил на сопку огонь трех батарей. Когда Зорин кинулся туда, где лежало тело богатыря он обнаружил только воронку от взорвавшегося снаряда. На месте амбразуры чернела огромная яма, земля была раскидана в сто-

роны. Лишь из-под угла дзота виднелось обломанное, с перегнутым стволом ложе винтовки. Зорин вытащил из-под расщепленных бревен остатки винтовки, постоял над воронкой. Мокрой от пота пилоткой он вытер лицо, незаметно смахнув навернувшиеся на глаза слезы. Затем решительно сказал друзьям:

—Ну, пошли. Чего стоите? Догонять надо своих...

...В суровом молчании шли бойцы отделения Варламова. Шли без своего сержанта. Да, сержант не шагал с ними рядом. Но каждый уносил в своем сердце образ человека, что бежит не помня себя от ярости, бежит прямо на дзот. С каждой секундой он все ближе к амбразуре... Разве это можно забыть!

—Настоящий был солдат. Большой человек,—сказал красноармеец Тимофеев и, помолчав, тихо произнес:—Вечная ему слава, вечная память...

Все сняли пилотки.

* * *

Вечер. Золотистое солнце уходит за лес, последними лучами играя на штыках винтовок, на вороненых кожухах автоматов Рота на вечерней проверке. Первым вы-

кликается фамилия Героя Советского Союза сержанта Варламова, и правофланговый громко восклицает в ответ:

—Сержант Варламов геройски погиб за честь и свободу нашей Родины!

* * *

Отшумит это грозовое время, замолкнут орудия и пулеметы. Новой музыкой наполнятся карельские леса—пеньем птиц, веселыми песнями сплавщиков. Под мелодичные звуки кантеле будут слагать песни о погибших героях. И самые лучшие слова, самые трогательные мелодии будут посвящены памяти Героя Советского Союза Николая Варламова, отдавшего свою жизнь за родную Карелию.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

А. КОВАЛЕНКОВ

Слава герою! Он подвигом смелым
Имя навек обессмертил свое.
Родине верен душою и телом,
Он от врагов под огнем, под обстрелом
Сердцем своим заслонил ее.
Помни, товарищ, присягу святую,
Бейся с врагом, не жалея сил.
Смерть презирай, честь храни боевую,
Гордо люби нашу землю родную
Так, как Варламов ее любил.

Красноармеец К. САТВАЛДЫНОВ

ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Этот бой был первым для меня. Готовились мы к нему долго. Наш командир отделения сержант Варламов много занимался с нами, а больше всех со мной. Заставлял по несколько раз повторять одно и то же, пока не добивался от меня правильных действий. Не умел, например, я переползать с пулеметом, выбирать удобную огневую позицию. Лягу за камень и лежу.

—Так ты в бою мало принесешь пользы, а скорее погубишь себя,—учил меня сержант.—Лежать на одном месте нельзя.

Ты пулеметчик, значит, самый страшный для противника человек. Тебя он в первую очередь будет искать и постарается взять на мушку. А ты обманывай его. Дал две-три очереди—и отползай в сторону. А по сигналу—в атаку—бросайся вперед рывком, короткими перебежками. Вот так,—и сержант брал пулемет, падал на землю, стрелял, переползал или делал стремительные перебежки.

В бою я все делал так, как учил командир. Может, потому и жив остался и уничтожил нескольких белофиннов из своего пулемета. Товарищ Варламов под огнем врага показывал нам пример умения и отваги. Своим подвигом он обеспечил успех роте и научил нас, как нужно драться с врагом, побеждать во что бы то ни стало. И мы добились успеха. В этом бою несколько десятков белофиннов сразили мы, пулеметчики, мстя за геройскую смерть боевого товарища и учителя.

Сержант М. ЖУКОВ

ОН УЧИЛ ВОЕВАТЬ

Он знал все, что бойцу знать надлежит и умело учил воевать. Перед походом он учил, как гранаты к поясу подвесить, чтобы не мешали при перебежках и переползаниях и в то же время всегда под рукой были, как оружие держать при движении под огнем противника—учил всему, что на первый взгляд и значения как будто не имеет, а в бою обязательно скажется.

Он показывал, как делать перебежки, как правильно переползать, выбирать укрытия, окапываться, вести огонь стоя, с

колена и лежа. Потом требовал, чтобы бойцы повторяли все приемы.

Никогда не останавливался Варламов на полдороге. Неправильно действует боец —сержант опять покажет ему, как нужно действовать.

—Понял,—говорит боец.

Варламов словам не верил.

—Покажи, что понял!

И убедившись, что боец действительно научился, переходил к отработке следующего приема.

Очень трудно узнать человека за две-три недели. Еще труднее за такое же время определить боевые качества воина-фронтовика. Но сержанта Варламова мы хорошо узнали за несколько дней, оценили и полюбили его, как будто он прожил с нами всю войну.

То был честный и справедливый человек, скромный мастер своего дела, строгий и заботливый учитель бойцов. Он готов был поделиться с товарищами всем, последней щепоткой махорки. Ко всему сержант Варламов подходил по-хозяйски, по-военному. Всегда чисто и опрятно одетый, он следил, чтобы и бойцы его отделения имели подтянутый, бравый вид. Бы-

вало, остановит неряшливо одетого бойца и скажет:

—Как же ты в бой пойдешь? Русский солдат всегда герой, он из самой жаркой схватки выходит со всеми пуговицами, а если и помирает, то при полной военной форме.

Младший сержант А. БЕСПАЛОВ

МЫ ПОЛЮБИЛИ ЕГО

Я любил своего командира отделения сержанта Варламова. Любил и уважал его за прямоту и справедливую требовательность, за умение воевать. У него учились мы и с ним побеждали. Перед выходом на последнюю боевую задачу он долго тренировал нас в быстром и бесшумном переползании, в незаметном подходе к рубежу атаки.

Как сейчас помню его слова:

—В атаке действуй смело и решительно. Себя не жалей, за товарищами смотри. Может, и погибнуть придется,—говорил он, —бояться этого нечего. Жить всякому охо-

та, но если нужно умереть в бою с пользой, то тут уже не задумывайся: сам погибай, а победу добывай и выручай товарищей. Они через труп твой шагнут вперед, и тебя долго будут поминать добрым словом.

Правильно, хорошо учил товарищ Варламов. Добрую, бессмертную славу завоевал он своим великим подвигом. Мы, живые его друзья, гордимся им и клянемся свято хранить и выполнять совет нашего дорогого друга. За его смерть враги ответят нам сотнями своих поганых жизней.

Майор Б. КОСТЕЛЯНЕЦ

У МАТЕРИ

Когда Николай Варламов совершил свой потрясающий величием духа подвиг, кто из нас не подумал о русской женщине, что родила такого человека, о матери, воспитавшей героя!

Она стара,—ей больше семидесяти лет. Вот уже больше полугода, как тяжелый недуг приковал ее к постели. С подушек к нам обращено лицо, обрамленное седыми волосами, изрезанное глубокими морщинами, а в запавших глазах—огромное, невыразимое горе.

Далеко, на несколько десятилетий на-

зад уводят ее воспоминания о прошлом. Вот Мария Васильевна видит себя молодой. Ее муж Гаврила Варламов работает токарем на Путиловском заводе. Неспокойный он человек, ходит на революционные митинги, бунтует. Часто являются жандармы, все разроют, иногда уводят мужа. Она приносит ему передачу, а жандармы над ней издеваются:

—Это ты кому? Варламову? Он против бога земного, против царя идет! Его надо голодом морить!

А она молчит. Молчит и думает: „Гаврюша для народа старается."

Тяжело ей было, семья росла—двенадцать человек. Все сама билась, ночей не спала—всех обшивала. А то работала в мастерской портнихой за пять копеек в день. Неделю отработает и несет получку—в руке сжаты тридцать копеек.

Она помнит 1919 год. Семья уже жила в Петрозаводске. Старший сын Василий пошел добровольцем защищать молодую советскую республику от белофиннов. А сын Коля заботился о матери, о семье. Достанет хлеба кусок и сразу — матери.

—А ты как же будешь, сынок?

—Ничего, мама, я как-нибудь.

Добрый он был—Николай. Мать любил

и берег. И дров достанет, и воды нанесет. Она моет полы,—он голик возьмет, помогать начнет.

Шли годы. Вырастали дети, появлялись внуки. И вот мы на одной семейной фотографии видим рядом с бородатым, щуплым петрозаводским токарем Гаврилой Варламовым его жену. На лице дородной женщины радость и довольство.

Николай стал самостоятельным человеком, женился. Но к матери его любовь и уважение становились все сильнее. Она помнит, как однажды тяжело болела. Николай придет, усадит ее в подушки, накормит. Она скажет:

—Коленька, тебе ведь некогда.

Он в ответ:

—Хоть есть когда, хоть некогда, а мать-то у меня одна...

Но вот на семью навалилось горе. Его принесла война с белофиннами в 1939 г. Один из сыновей—коммунист Гаврила пошел добровольцем на фронт и с той войны не вернулся. Остались жена и двое детишек.

Потом началась Отечественная война. Три брата Варламовых—Василий, Николай и младший—Егор пошли на фронт защищать Родину. Семье пришлось уйти из Пет-

розаводска. В первые же месяцы подлый враг нанес семье Варламовых несколько безжалостных ударов. Вовочке—сыну погибшего Гаврила Гавриловича—оторвало руку во время бомбежки. А при эвакуации погибли жена и дочь Николая Гавриловича—немцы разбомбили баржу, на которой переправлялись через озеро женщины и дети Петрозаводска.

Старуха утешала маленького внука:

—Не плачь, Вовочка, дядя Коля на фронте тебя защищает, а советская власть тебя не оставит, человеком сделает.

От Коли приходили ласковые, заботливые письма. Иногда приходили и суровые. После ранения он попал в один карельский городок, где встретил родственницу—молодую девушку, нигде не работавшую. „Нигде не работает уже целый месяц, глаза на нее не смотрят, только расстраивает, —пишет он.—Я ей дал три дня сроку,—если не начнет работать, схожу в горсовет, чтобы отправили на лесозаготовки. Пусть там научится, как жить надо". Сколько в этих словах гнева на тех, кто в дни войны не выполняет своего долга перед Родиной!

Потом пришло самое большое горе. Погиб Николай, погиб смертью храбрых.—Ироды!—тихо произносит старуха, взмахивая

правой рукой, которой только она и может двигать. И кажется, что эта немощная старуха сама готова душить немцев этой рукой.

По ночам она часто просыпается.

—Мама, чего не спишь?—спрашивает дочь Зинаида.

—Коленьку вспоминаю,—отвечает старуха, и слезы набегают на ее глаза.

Мария Васильевна живет в городе Устюжне, Вологодской области. Она окружена здесь заботой и вниманием. К ней приходят старые и молодые. Приходят со словами сострадания, утешения и признательности. И часто она повторяет людям, которые ее навещают:

—Утешаюсь лишь тем, что хоть Николай-то и погиб, да товарищей спас. Вас, молодых, спас. За народное дело погиб...

Мы прощаемся с Марией Васильевной.

—Передайте товарищам Коли, чтобы за меня не беспокоились, Заботятся обо мне здесь—весь город помогает. Секретарь райкома, председатель райисполкома часто заходят, спрашивают:—Мария Васильевна, может еще в чем нуждаетесь?—А я отвечаю:—Спасибо, родные, все есть, всем обеспечена.—Мария Васильевна замолкает и потом говорит на прощанье: „Спасибо пе-

редайте и товарищам Николая за то, что не забывают. Кланяйтесь им, кланяйтесь.

А мы ей отвечаем:

—Это вас, Мария Васильевна, благодарить надо, что воспитали такого героя. Вам спасибо великое. А товарищи Коли вас не забудут, они отомстят и за его смерть и за ваше горе.

ВЛ. ХАРЬЮЗОВ

БЕССМЕРТЬЕ

Есть смерть, которая в преданьях
Бессмертным делает бойца.
И вызывает не рыданья,
А ярость львиную в сердцах.
Герои, не жалея крови,
Сегодня гонят немца вон,
Громят его на Приднепровьи
И там, где бит Наполеон.
Таких народ зовет орлами,
Поет хвалу и славу им.
Вот так в века вошел Варламов
Высоким подвигом своим.

* * *

К земле прижато отделенье.
Над касками свистит свинец.
Казалось, нет уже спасенья.
Еще минута — и конец.
Атака сорвана.
Из дзота
Строчит фашистский пулемет.
Лежит в отчаяньи пехота,
Не в силах двинуться вперед.
Уже пристрелочным снарядом
Противник рядом лес крошил.
Бойцы сержанта быстрым взглядом
Спросили молча:
„Что решил?“
Он понимал, что нужно делать:
Шагнуть к смертельной полосе
Кому-то надо. Честно, смело
Рискнуть собою, ради всех.
— Прощайте, братцы!
И Варламов,
Гранату вскинувши на взлет,
Поднялся и рванулся прямо
На злой осатанелый дзот.
Поднялся с мыслию единой:
Вот здесь пожертвовать собой,
Пойти на страшный поединок
С врагами,
с пулями, с судьбой,

Но выиграть жестокий бой.
Вперед!
Не время думать долго.
Победу вырвать для друзей!
Вперед, во имя дружбы, долга,
Во имя Родины своей...
Метнуть гранату не успел он.
Тогда,
шагнув последний шаг,
Упал на амбразуру телом
Своим...
И задохнулся враг.
Не хлещут струи пулемета,
Трассирующие ножи.
А наша поднялась пехота,
Порыв бойцов неудержим.
На подвиг друга и сержанта
Ответили таким броском,
Таким огнем, что оккупанты
Валились замертво кругом.
И тут все поняли, что значит
Любовь к отчизне дорогой,
Ведущая на бой горячий, —
Как нужно жертвовать собой.
Сержант учил их быть такими,
Он клятву Родине сдержал.
Да будет вечно твое имя
Призывом в бой, герой-сержант!

АННА ВАРЛАМОВА

КОЛЯ

За отвагу и геройство моему брату Николаю Варламову присвоено звание Героя Советского Союза. Хочется рассказать, каким был Коля.

Я знала его веселым, жизнерадостным человеком, любящим труд, семью, Родину. Вспомнишь его, — видишь улыбку, слышишь смех. Да другим он и не мог быть: его, простого советского человека, окружали счастье и радость. Радовала семья — любящая и любимая жена, „Татьянушка моя“ — иначе он к ней и не обращался. А дочка! Как он гордился ею!

— Моя Тамара перешла в третий класс. Скоро в науках отца за пояс заткнет.

Радовали и работа, и родной город — быстро растущий Петрозаводск, где Коля родился, вырос, работал. Каждый новый дом, новая школа в Петрозаводске — для него счастливое событие в личной жизни.

— Жаль, — отец умер, не видел, каким стал его Онежский завод.

Началась война и прервала счастливую жизнь.

Коля видел, как немцы и белофинны с воздуха разрушали Петрозаводск, как разрушили школу, где училась его дочь. Потом произошло другое несчастье.

Враг подходил к Петрозаводску, и семье Николая пришлось оставить родной город. В самые последние дни родные погрузились на баржу, поплыли по Онежскому озеру. И тогда на баржу, где были дети, женщины, старики, налетели вражеские стервятники и потопили ее. И наши Таня и Тамарочка, вместе с сотнями других детей и взрослых советских людей утонули в Онежском озере.

Когда Коля узнал об этом, он не мог места себе найти. Как же так? На беззащитных женщин и детей сбросить бомбы, расстреливать тонущих детишек из пулеметов?! Этого люди сделать не могли. Значит немцы, белофинны — звери. А со

зверями—разговор короткий. Месть, беспощадная месть врагу — это чувство завладело братом.

И он хотел, чтобы этим чувством прониклись все. Об этом говорил с родными, близкими, друзьями, товарищами по службе, об этом писал в письмах.

Врезался в память один разговор с ним.

Я работала тогда на оборонных работах. Было очень тяжело. Уставала. Встретившись с Колей, я как-то сказала:

— Не знаю, как и быть—уж очень тяжело!

Я думала, что он пожалеет, успокоит. Но он пожалел по-особому. Сочувствовать не стал, а сказал:

— Тут и бывать нечего. Работать надо.

— Да тяжело мне, Коля!

— Вот что, сестра, — голос его стал какой-то другой, твердый, — двух работ в одни руки не дадут, но все, на что способна, должна сделать — война! — Помолчал и добавил совсем тихо: — Мне, думаешь, не тяжело?

После этого разговора с братом я больше никому никогда не жаловалась.

Коля думал, что в дни войны каждый из нас должен считать себя мобилизованным.

Как он был рад и горд, когда его племянница Мая пошла добровольцем на фронт! Уговаривал и другую племянницу— Веру—пойти служить.

— Вот Маечка — молодец. И тебе, Вера, нельзя от младшей сестры отставать: ты комсомолка.

Брат был уверен в нашей победе над врагом. Как-то мы с ним разговорились о том, что вот тесно жить, плохо с квартирой. Он подумал, подумал, помечтал о чем-то и вслух произнес:

— Да, мы вернемся, обязательно вернемся! Ничего, Аня, потерпи. Скоро будем снова в Петрозаводске. А там, глядишь, наш домик цел остался. А нет, — новый выстроим.

Ему не пришлось...

Все эти наши встречи и разговоры происходили после того, как Николай был ранен под Медвежьегорском. Он тогда вышел из госпиталя, служил в тыловом подразделении, но стремился на передовую.

Часто задумывался.

— Ты о чем, Коля?

— О Тамарочке.

— Не грусти. Может, они как-нибудь спаслись.

— Нет, сестра, успокаивать меня бесполезно, да и не к чему.

Все стремился на передовую линию фронта.

— Там мне будет спокойнее. Не так тоска грызть будет. Много я этих негодяев прикончил, но счеты еще до конца́ не свел.

Последний раз, когда прощались, он сказал мне:

— Больше, Аня, может, не увидимся. Прощай. Знай, свою мечту исполню: за Танюшу, за Тамарочку — отомщу...

— Тяжело переживать смерть близкого человека, брата, с которым вместе росли. Но нас, родных, утешает то, что Коля погиб, спасая товарищей, погиб, мстя за дочь и жену, погиб, как герой, в святом бою за Родину.

СОДЕРЖАНИЕ

Капитан А. Баев Подвиг сержанта Варламова . 5
Ст. сержант А. Пашкин Незабываемый образ . 14
А. Коваленков Слава герою! 18
Красноармеец К. Сатвалдынов Во имя победы . 19
Сержант М. Жуков Он учил воевать 21
Мл. сержант А. Беспалов Мы полюбили его . . 24
Майор Б. Костелянец У матери 26
Вл. Харьюзов Бессмертье 32
Анна Варламова Коля 35

Редактор Б. Костелянец

Подписано к печати 1 февраля 1944 г. Е—00425
Печатн. листов 1,25 Учетно-авт листов 1,15
Тираж 10000. Госиздат № 169. Заказ № 189.

Государственная типография Тегозеро.

ОИК-74179

Товарищи читатели! Издательство просит Вас прислать отзыв о прочитанной книге по адресу:

г. Беломорск, Советская 12,

Госиздат Карело-Финской ССР

Цена 50 коп.

33963